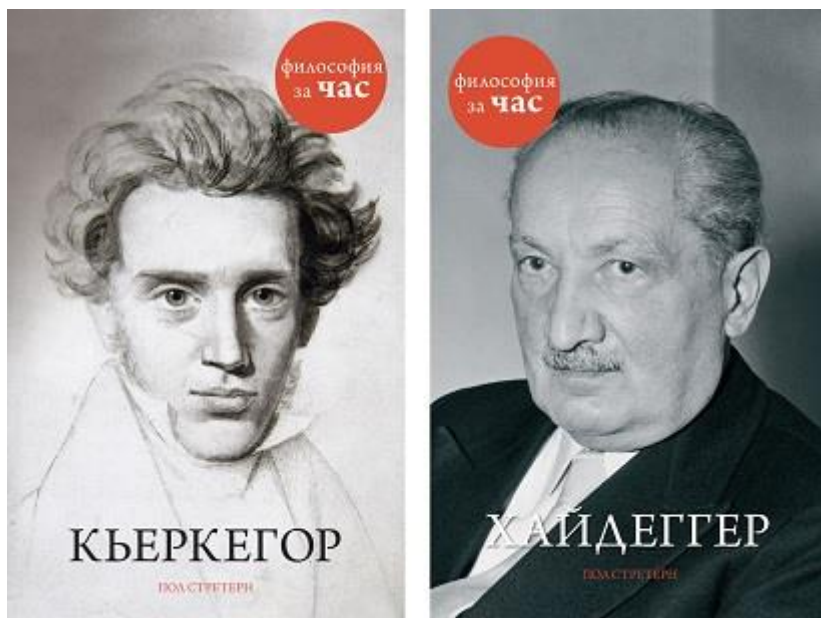

Философия за час

Не так давно я прочитал сборник Тома Батлер-Будона [50 великих книг по философии](#). На текущий момент я опубликовал конспекты 8 книг из списка Тома, и раздумывал над тем, чтобы еще почитать. И тут наткнулся на серию [Философия за час](#), написанную Полом Стретерном (всего 11 книг). Для пробы взял две: Кьеркегор, Хайдеггер. Книги оставили двойное впечатление. С одной стороны, биографии философов написаны живо и мне было интересно с ними ознакомиться, а вот философские концепции представлены, на мой взгляд, слабо (у Батлер-Будона и в Википедии – более понятно). В любом случае, пока я решил, что оригинальные работы, ни Кьеркегора, ни Хайдеггера я читать не буду. Похоже, что эти авторы должны быть интересны специалистам, но не широкой аудитории. При этом, на русском языке представлено довольно много работ, как [Кьеркегора](#), так и [Хайдеггера](#).

Пол Стретерн. Кьеркегор. – М.: Колибри, 2014. – 96 с.

Пол Стретерн. Хайдеггер. – М.: Колибри, 2014. – 96 с.

Купить цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#)

Кьеркегор

Сёрен Обю Кьеркегор родился в Копенгагене 5 мая 1813 года. Хотя Кьеркегор и не был сумасшедшим (в отличие, например, от его племянника, который окончил свою жизнь в сумасшедшем доме), его поведение всегда отличалось странностью. Всю свою жизнь Кьеркегор был совершенно одинок, он испытал влияние лишь нескольких человек, но влияние это было огромным. В юности самым важным человеком для Кьеркегора был его отец, находившийся на грани психического расстройства.

Кьеркегор-старший родился в отдаленном уголке Ютландии на севере Дании в семье крепостных крестьян, принадлежавших местному священнику и работавших на его полях. Отсюда и фамилия *Кьеркегор*, которая переводится с датского как *церковный двор*. В возрасте десяти лет будущий отец Кьеркегора в любую погоду должен был пасти овец. Мальчик был глубоко верующим, однако никак не мог понять, за что Господь заставляет его так страдать. Однажды, в отчаянии, он торжественно проклял Бога.

Неожиданно, почти в одночасье, жизнь Кьеркегора-старшего изменилась: дядя вызвал его в Копенгаген и устроил работать к себе на фирму по производству шерстяных товаров. Мальчик оказался отличным продавцом, он в любую погоду обходил всю округу, торгуя чулками и свитерами. Наконец у юноши хватило денег, чтобы жениться и завести свой дом. Когда дядя умер, Кьеркегор-старший наследовал прибыльное дело. Он продолжал развивать его и со временем стал одним из богатейших купцов в Копенгагене. Иногда к нему на обед наведывались даже члены королевской семьи. Все пять домов, которыми владел отец Кьеркегора, пережили артиллерийский обстрел Копенгагена британским флотом в 1803 году, когда большая часть города

была уничтожена. 10 лет спустя, когда экономика Дании перенесла жесточайший кризис, Кьеркегор-старший был одним из тех немногих, кто мало пострадал от него, вложив свой капитал в первоклассные ценные бумаги. Но теперь человек, некогда проклявший Бога, чувствовал, что он сам проклят. Его первая жена умерла, и он женился на служанке. Из семи его детей выжили лишь двое. Затем умерла и вторая жена.

Серен Кьеркегор был его младшим сыном, родившимся, когда отцу было уже 56 лет. Детство Серена было отмечено регулярными смертями в семье. Когда Серен родился, Кьеркегор-старший уже был человеком религиозно экзальтированным и подавленным судьбой, со временем же он стал настоящим тираном, постоянно погруженным в депрессию. Он отошел от дел и предался затворнической жизни в полумраке фамильного особняка. Отец быстро распознал в Серене талант и занимался с ним больше, чем с другими детьми. В любой другой семье такое положение было бы завидным для ребенка, но только не у Кьеркегоров.

Когда Серену было семь лет, отец стал учить его логике по своей собственной методе: все суждения юного Кьеркегора подвергались рассмотрению, ему приходилось защищать каждое свое слово. Отдых был такой: «заграничные путешествия», которые определялись познаниями отца о других странах. Юный Кьеркегор, бывало, подолгу слушал, как отец старательно описывал архитектурные и культурные достопримечательности таких удаленных от дома мест, как Дрезден, Париж и Флоренция. А затем и сам Серен пускался в «великое путешествие» по комнате, принуждаемый отцом во всех деталях описывать то, что только что «видел»: палимые солнцем склоны Фьезоле и купола с башнями Флоренции на их фоне (каждый из памятников должен был быть назван и описан). Результатом этой моральной тирании стало то, что и без того умный мальчик развил в себе как необыкновенный логический склад ума, так и прекрасное (хотя и несколько сухое) воображение. Подобно многим современным авторам путеводителей, отец Кьеркегора никогда в действительности не видел те удаленные и овеянные романтикой точки на карте, которые он описывал. Он совершал свои путешествия всецело между обложками книг, но, несмотря на это, его описания изобиловали и достоверными деталями. Позже, в своих философских трудах, Кьеркегор проявит экстраординарную способность представлять себя в ситуациях (особенно в библейских и психологических), о которых у него было только лишь образное представление. Такой опыт происходит как раз от участия в тех путешествиях, которые отец Кьеркегора совершал, не вставая с кресла.

Кьеркегор-старший, кажется, стремился подавить сознание ребенка, навязывая ему свой ограниченный взгляд на мир. Он не был похож на властного отца, которому доставляет удовольствие навязывать своему сыну те цели, которых он сам достиг (или, что бывает чаще, не смог достигнуть). Кьеркегор-старший чувствовал себя гонимым, у него не было никаких целей. Он казался себе проклятым, погряз в полном отчаянии. Именно это отчаяние, вызванное проклятием, он сознательно или бессознательно и стремился навязать сыну. В своих поздних дневниках Кьеркегор-старший открыто пишет о человеке, который однажды, пристально посмотрев на его сына, сказал: «Бедное дитя, ты живешь в безмолвном отчаянии». Возможно, этот эпизод автобиографичен (или, может быть, эти слова были постоянным рефреном в отношении отца к сыну).

Ничего удивительного, что в школе Серена считали странным. Его поведение было таким же старомодным, как и застегнутый на все пуговицы сюртучок, с которым он не расставался. Учителя называли его «маленьким старичком». Он не был блестящим учеником, хотя, несомненно, превосходил всех своих одноклассников по уровню развития. Отец научил его не привлекать внимание к своему интеллекту: в классе он был только третьим. Маленькому Серену приходилось быть вежливым и почтительным, а это требовало даже большего напряжения сил, чем учеба: каждому будущему гению хочется быть первым.

По мере того, как Кьеркегор вырос, становилось очевидно, что странность его касалась не только выбора одежды. Его фигура была высокой и угловатой, к тому же он был немного горбат. У него не было друзей, и наверняка он служил постоянным объектом насмешек одноклассников. Вскоре он научился защищаться с помощью своего саркастического остроумия. Этот сарказм Серен затем стал использовать столь агрессивно, что провоцировал других мальчиков на ответную реакцию. Такая особенность поведения отличала Кьеркегора на протяжении всей его жизни.

Как и многие рано ставшие интровертами люди, Кьеркегор был склонен считать себя центром вселенной. Он, несомненно, привык к тому, что был центром внимания своего отца, а потрясающая интенсивность его собственной внутренней жизни означала то, что он сам был центром своего внимания. Провоцируя других, даже если и приходилось страдать от этого, Серен укреплял иллюзию, что мир вращается вокруг него. В дальнейшем этот комплекс мученика стал важнейшей чертой его психологического облика.

По окончании школы Кьеркегор поступил в университет Копенгагена, чтобы изучать теологию. Быстро прославившись благодаря своей широчайшей эрудиции и язвительному остроумию, он считался едва ли не знаменитостью в студенческих кругах провинциального Копенгагена. Вскоре юноша забросил теологию и занялся философией. Особенно его интересовала философия Гегеля, которая в то время со скоростью эпидемии распространилась по всей Германии и достигла уже куда менее философичных уголков Европы. Кьеркегору пришлось по душе серьезность и честность Гегеля, его идеалистический взгляд на мир.

Хотя Кьеркегор и отрекся впоследствии от своего увлечения Гегелем, его отношение к последнему с самого начала было противоречивым. Он любил и в то же время ненавидел его. Собственная антигегелевская философия Кьеркегора была полна гегелевскими понятиями — ее можно даже назвать кьеркегоровской версией диалектики.

Примерно в это же время в отношениях Кьеркегора с его отцом произошел драматический поворот. Чтобы избежать родового проклятия, Кьеркегор-старший признался сыну в том, что мучило его уже долгие годы. Он рассказал, как проклинал Бога когда-то давно, на ютландском холме. Говорят, что тогда Кьеркегор в ужасе отпрянул от отца и с тех пор начал много пить и вести распутную жизнь.

Некоторые проницательные комментаторы предположили, что за всем этим кроется нечто большее. В самом деле, в это время Кьеркегор, по всей видимости, начал искать предлоги для того, чтобы освободиться от властного влияния отца. Вполне возможно, что откровения набожного старого человека не были чисто теологическими. Он мог также признаться в том, что прелюбодействовал, занимаясь любовью со служанкой (будущей второй своей женой, матерью Кьеркегора), в то время как его первая жена лежала на смертном одре. Это могло бы объяснить драматический — или излишне им самим драматизированный — поворот в поведении Кьеркегора, который был вовсе не таким развращенным, каким ему хотелось бы казаться. Некоторые, однако, полагают, что признания отца содержали кое-что посерьезнее, чем детское богохульство и любовные грешки, в которых он теперь искренне раскаивался. По мнению критика Рональда Гримсли, секретные записи в дневниках Кьеркегора говорят о том, что его отец посещал бордель, где заразился сифилисом, который даже мог передаваться по наследству сыну. По крайней мере, все последующее поведение Кьеркегора не исключает этой страшной возможности.

Кьеркегор теперь зачастую напивался допьяна в тавернах или разгуливал по главной улице города, куря сигару, и даже, более того, он посетил бордель. Как считают многие, это его начинание потерпело полное фиаско. Той ночью в своем дневнике он записал бессвязные слова: «Боже мой, Боже мой... (Для чего Ты меня оставил?)... Это чертово хихиканье...». Это был единственный сексуальный опыт за всю жизнь Кьеркегора. Последующие записи в его дневнике заставляют предположить, что это было нечто большее, нежели банальное унижение. Он писал, что ему «было отказано в физических качествах, которые необходимы для полноценной жизни человека». В других местах он часто говорит о «занозе, впившейся в его плоть», а однажды даже упоминает «дисгармонию между его телом и душой». Мы можем только догадываться о подробностях этой очень личной трагедии, которая, возможно, послужила причиной сексуальной импотенции.

После смерти отца Кьеркегор получил значительное наследство, более 20 тысяч крон. Он посчитал, что этого ему должно хватить на 10–20 лет жизни. В одночасье он стал одним из самых богатых молодых людей в Копенгагене и завидным женихом. В течение почти 6 лет Кьеркегор сопротивлялся тому, чтобы сдать экзамены в университете. Дело в том, что его отец хотел, чтобы он закончил обучение теологии и стал пастором, а такая перспектива его не привлекала. Но теперь все изменилось. С характерным для диалектического мышления упорством — отличительной чертой Кьеркегора — он убедил себя в том, что, раз он теперь свободен от

отцовского принуждения, независим в финансовом плане и ему нет необходимости работать, он может сдать экзамены.

Два года Кьеркегор усердно учился. В этот период он познакомился с молодой девушкой из хорошей семьи по имени Регина Ольсен. Несмотря на то что Регина была на 10 лет моложе Кьеркегора, он искренне полюбил ее. Ухаживал старомодно, как было принято в то время: посылал ей книги, читал вслух, а по воскресеньям прогуливался по парку, держа ее за руку. Регина была ослеплена своим богатым поклонником, великолепие и учтивые манеры которого смягчались таким соблазнительным намеком на меланхолию. Привязанность Кьеркегора была не менее глубокой, но оставалась чисто духовной. В своей невинности Регина едва ли замечала это: такое поведение считалось нормальным в порядочном датском обществе. Физическая же сторона любых отношений наступала позже — и горе тому, кто думал иначе! Несмотря на свою наивность, Регина вскоре поняла, что полюбила необыкновенного человека.

После того как Кьеркегор сдал экзамены, они обручились, и он начал готовиться к тому, чтобы стать пастором. Нормальная жизнь манила его. Но Кьеркегор не был способен жить нормальной жизнью — и знал это. Духовно, физиологически, эмоционально, физически — на каком бы то ни было уровне, такая жизнь была для него невозможна. Но невозможное случилось: он влюбился. Регина стала для него куда большим, чем духовной ученицей, как он считал вначале. В то же время Кьеркегор чувствовал себя причастным к другой жизни, находящейся за границами нормального, к «высшей» жизни. Он еще не понимал до конца, чем была эта жизнь. Все, что он знал, было то, что он хочет посвятить себя творчеству, философии, Богу. А все остальное придется принести в жертву.

Уже через два дня после помолвки с Региной Кьеркегор понял, что совершил ошибку. Он пытался разорвать помолвку как можно мягче, но Регина не понимала его. Он послал ей назад кольцо. Она все еще не понимала. (Ведь она знала, что он любит ее.) Трагикомедия продолжалась, и она поглощала внимание Кьеркегора до конца его жизни. Вся философия Кьеркегора выросла из его отношений с отцом и с Региной. Он остро переживал собственную несостоятельность. Из-за душевных страданий, постоянного невроза и одержимости навязчивой идеей такое состояние стало казаться Кьеркегору сутью всей жизни человека.

После окончательного разрыва с Региной Кьеркегор бежал в Берлин. Там он посещал лекции философа Шеллинга, романтика и идеалиста, который пытался освободить немецкую мысль от чарующего влияния Гегеля. Вернувшись в Копенгаген в конце 1842 года, Кьеркегор привез с собой объемистое сочинение, озаглавленное «Или-или: Фрагмент жизни». Автобиографичность названия очевидна, тем не менее, работа публиковалась под псевдонимом, или, точнее, под целой серией псевдонимов. Весь образ мыслей Кьеркегора был пропитан диалектическим подходом, и поэтому он стремился излагать свои идеи с позиций разных людей. Ни одна из представленных точек зрения, в том числе и авторская, не считается правильной или авторитетной. Читатель сам должен сделать свои выводы из разных, подчас противоречащих друг другу идей.

В книге Кьеркегор предполагает, что существует два пути жизни человека — **эстетический** и **этический**. Каждый человек имеет возможность сделать сознательный выбор между ними. Здесь — истоки экзистенциализма. Делая свой выбор, индивид должен принять на себя всю ответственность за него, ибо этот выбор определяет всю его последующую жизнь. Те, кто выбирает эстетический образ жизни, живут для себя и своего удовольствия. Эстетическое мировоззрение ущербно в самой своей основе, потому что оно ориентируется на внешний мир. Оно «ожидает всего от внешнего». В этом смысле оно пассивно и испытывает недостаток свободы. Оно основывается на том, что неподконтрольно его воле — например, власть, богатство или даже дружба. Оно зависит от обстоятельств, полагается на «случайное». В нем нет ничего «необходимого». Человек, живущий этической жизнью, создает себя посредством своего выбора, а самосозидание становится целью его существования. Если «эстет» просто принимает себя таким, какой он есть, то «этик» пытается познать себя и измениться в соответствии со своим сознательным выбором. Он руководствуется своим самопознанием и желанием не бездумно принять то, что он в себе обнаружил, а улучшить себя.

Фундаментальное различие, которое Кьеркегор делает между эстетическим и этическим, вполне прозрачно. Первое — «внешнее», условное, непоследовательное, саморазрушающее; второе — «внутреннее», необходимое, последовательное, самосозидающее. Все это убедительно, кроме одной ошибки. Мы не можем жить исключительно этической жизнью — в ней все равно неизбежно будет присутствовать элемент «внешнего» и случайного. Даже если мы выбираем этический идеал, в нем остается частичка эстетического. Таким образом, этический образ жизни также оказывается неудовлетворительным. Выход из создавшейся трудности Кьеркегор находит с помощью диалектического метода. Так появляется третья мировоззренческая установка, которая синтезирует две предыдущие: эстетическую и этическую. Кьеркегор называет ее **религиозной**. Ее описанию посвящена его следующая книга «Страх и трепет». В течение следующих двух лет (1844–46) Кьеркегор издал полдюжины книг под разными псевдонимами.

Для Кьеркегора существует два рода истин. Объективные истины, например, исторические и научные, относятся к области внешнего. Они могут быть проверены, исходя из внешних критериев. Другими словами, объективная истина зависит оттого, что сказано. Субъективная истина, напротив, зависит от того, каким образом это сказано. В отличие от объективной, субъективная истина не имеет объективных критериев. Субъективная истина более важна для Кьеркегора.

С этой точки зрения, мораль не может иметь своего основания в объективном. Довольно забавно, но в этом Кьеркегор подобен Давиду Юму, шотландскому философу XVIII столетия, атеисту и скептику. По мнению Юма, мы можем познать лишь то, что доступно нашим ощущениям. Познавая ощущения, мы образуем так называемые факты. Но из этих фактов невозможно вывести никакую мораль. Из того, что умеренность приводит к должному поведению, вовсе не следует то, что мы должны быть умеренными. И Кьеркегор, и Юм согласны в том, что невозможно перейти от изъявительного наклонения к побудительному (от «есть» к «должно быть»). Подобные попытки включить этику в философию сейчас называют натуралистическим софизмом.

Но уверенность Кьеркегора в преимуществе субъективной истины над объективной заставила его усомниться в юмовском утверждении о первичности фактов. Кьеркегор верно заметил, что даже они могут зависеть от нашего отношения. Ценности человека в значительной степени определяют «факты». В одной и той же ситуации правоверный христианин и охотник за развлечениями могут увидеть разные «факты». В этом смысле каждый человек является творцом своего мира. Он создает этот мир посредством своих ценностей.

Кьеркегор предвосхищает феноменологию XX века, которая рассматривает все формы сознания как «интенциональные»: сознание всегда нацелено на что-то. То, что мы намереваемся совершить в мире, заставляет нас видеть его именно так, а не иначе. Кьеркегор понял, что человек видит тот мир, который он хочет увидеть. Желания же, в свою очередь, зависят от ценностей, которые он избрал, которыми он живет, ценностей, которые делают его тем, что он есть.

К 40 годам Кьеркегор продолжал неистово писать. Он выглядел старше своих лет; его состояние таяло на глазах. Ему нужно было искать работу, но из всех профессий он знал только одну: пастора. Хотя кажется, что в какой-то момент Кьеркегор смирился с этим положением дел, что-то в нем сопротивлялось такой перспективе. Он принципиально не признавал того, что можно зарабатывать деньги на религии, а его представления о христианстве не соответствовали позиции официальной датской церкви.

Несмотря на свое все уменьшающееся состояние, он основал журнал, названный «Момент». На его страницах он критиковал церковь, называя ее «машиной», обличал одного из наиболее популярных епископов как лицемера, живущего мирскими интересами. Как и можно было ожидать, это заявление вызвало шумный скандал. Теперь уже Кьеркегор мог не бояться потерять свою свободу: его пастырство было исключено. Кьеркегор завоевал славу и широкую известность. Его статьи вскоре были переведены на шведский язык, и полемика вокруг них разгорелась по всей Скандинавии. Мир отдавал ему должное, и сознательно или бессознательно он чувствовал это. Но вновь это была та единственная популярность, которую он чувствовал в себе силы принять: дурная слава и оскорбления. И конечно, это вновь привлекло к нему внимание Регины.

Муж Регины незадолго до этого был назначен губернатором датских колоний в Америке (трех маленьких островов в Карибском море). В апреле 1855 года, в день своего отплытия в Америку,

Регина сумела встретиться с Кьеркегором на улице. Она помолчала и тихо сказала ему: «Да благословит тебя Бог. Может быть, все сложится для тебя хорошо». Кьеркегор приподнял шляпу, «вежливо поприветствовав друг друга», они разошлись. Это был первый раз, когда они говорили друг с другом после того, как 14 лет назад расстроилась их помолвка. И это был последний раз, когда они виделись.

Все возрастающее недомогание и постоянный стресс от борьбы с официальной церковью подточили здоровье Кьеркегора. Через семь месяцев после того, как Регина уехала в Америку, прямо на улице с Кьеркегором случился приступ, и его положили в больницу. На свои последние деньги он напечатал следующий выпуск «Момент». Из-за слабости и отчаяния, о которых он знал так много, Кьеркегор потерял волю к жизни. Но он никогда не терял веры. Те, кто видели его в то время, запомнили лучистые глаза, оживлявшие изможденное лицо, и его абсолютное спокойствие. Через месяц он умер. Это случилось 11 ноября 1855 года. То небольшое имущество, которое у него оставалось, он завещал Регине.

На похоронах Кьеркегора собралось неожиданно много людей, студенты оспаривали друг у друга возможность нести гроб с его телом. Как и хотел бы Кьеркегор, на церковном кладбище случился скандальный инцидент. Некоторые присутствовавшие выступили против лицемерия церкви, которая хотела признать Кьеркегора своим, похоронив его на священной земле. Кто-то зачитал оскорбительный отрывок из «Момент». Поднялся шум...

Хайдеггер

Мартин Хайдеггер родился 26 сентября 1889 г. в горной деревушке Месскирхе на юге Германии, всего в двух десятках километров к северу от Боденского озера и швейцарской границы. Там жили набожные крестьяне, уклад жизни которых оставался почти неизменным на протяжении многих веков. Хайдеггер происходил из семьи мелких фермеров и ремесленников. Его отец был бондарем и церковным сторожем в местной католической церкви, мать – дочерью фермера из соседней деревни. Мартин с детства проявлял интерес к религии, и казалось, что ему суждено стать священником. После окончания средней школы он становится послушником в монастыре иезуитов и в 1909 г. поступает на теологический факультет Фрайбургского университета. Но вскоре Хайдеггер понимает, что его интересует не богословие, а философия, и через два года переходит на философский факультет. Это было смелое решение, означавшее, что он лишается церковной стипендии. Но руководство университета уже оценило необыкновенный талант юноши. Ему выделили небольшой грант, который дополнялся заработком от частных уроков.

В университетские годы Хайдеггер не участвовал в обычных для студентов веселых проделках или шумных ссорах. Юный Мартин был всецело поглощен духовными и философскими вопросами. Простого деревенского парня до глубины души взволновали проявления современной городской жизни, с которой он столкнулся во Фрайбурге. Это был тихий провинциальный город, однако горный массив Шварцвальд неподалеку от него привлекал множество туристов из разных стран. Жители и студенты Фрайбурга гордились тем, что находятся в курсе новейших интеллектуальных и культурных течений, захлестнувших Германию того времени. В последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. страна на удивление быстро превращалась в крупную промышленную державу. В 1871 г., когда завершилось объединение немецких земель и образовалась Германская империя, 70% граждан страны проживали в деревнях, а в 1910 г. доля сельского населения снизилась до 40%. Сельская Германия с ее старинными традициями, в которой вырос Хайдеггер, практически не менялась со времен Средневековья. Теперь она отступала перед современными городами – с автомобилями, электричеством и тяжелой промышленностью. Западная культура переживала полную, всестороннюю урбанизацию.

Похожий кризис переживала и философия. С начала XIX в. Германия гордилась тем, что дала Европе самых известных философов, таких как Кант и Гегель. Они создали всеобъемлющую метафизическую систему, которая объясняла мир и все его составляющие, включая человечество. Во многих отношениях подобные системы стали заменять Бога. С тех пор позиции философии неуклонно подрывала наука, в том числе ее относительно молодое ответвление – психология. В 1905 г. Эйнштейн разработал специальную теорию относительности. В ней проблема времени, давно занимавшая философов, была низведена до четвертого измерения пространственно-временного континуума. Ситуация ухудшилась с появлением квантовой теории. В ней свет

представлялся одновременно потоком частиц и волной. Научная реальность опрокинула одно из главных положений логики, закон противоречия. (Два противоречащих суждения не могут быть одновременно истинными.)

В 1865 г. английский философ Джон Стюарт Милль заявил, что логика «всеми своими теоретическими основами обязана психологии». Истины психологии первоначально возникают как результат самонаблюдения и восприятия окружающего мира. Это значит, что аксиомы, на которых основано наше мышление, определено не являются «обобщением опыта». Закон противоречия не универсальная истина, а просто способ мышления человеческих существ. Логика уходит корнями в нашу психологию.

В возрасте двадцати двух лет Хайдеггер обратился к философии, чтобы выйти за пределы богословия, казавшегося ему недостаточным для объяснения мира. Главным направлением современной философии являлась феноменология, самым ярким представителем которой был немецкий философ Эдмунд Гуссерль. Хайдеггер закончил курс обучения в 1913 г., но продолжил занятия в аспирантуре Фрайбургского университета. Годом позже началась Первая мировая война. Хайдеггера призвали в армию, но оказалось, что у него слабое сердце. Его записали в резерв, и он вернулся во Фрайбург, где устроился на должность почтового цензора – непыльная работа, позволявшая не бросать философию. В конце 1916 г. Хайдеггер обручился с Эльфридой Петри, вдумчивой и рассудительной студенткой экономического факультета, происходившей из семьи прусских военных. Три месяца спустя, в 1917 м, они обвенчались. К тому времени во Фрайбург на должность профессора философии прибыл знаменитый Гуссерль, а Хайдеггер стал его ассистентом.

Для Гуссерля законы математики были идеальны, они существовали априори, то есть до нашего опыта и независимо от нашего опыта. Даже в отсутствие человеческих существ, которые могли бы познать это на опыте, два плюс два все равно равняется четырем. Если психологизм прав, это значит, что утверждение $2+2=4$ не будет неопровержимым. Оно просто возникает из интуитивного восприятия мира отдельного человека. Другим интуиция подсказывает нечто иное – и у нас нет оснований это отвергать. Хайдеггер первоначально согласился с анализом Гуссерля, но вскоре стал добавлять к его идеям собственные. Так начала формироваться его оригинальная философия, хотя она так и останется в долгу у феноменологического подхода Гуссерля.

В 1918 г. Хайдеггера призывают в армию и отправляют на метеорологическую станцию в окрестностях Седана, на территории оккупированного немцами северо-востока Франции. Союзники наступают, и немецкая армия разваливается. Хайдеггер не принимал участия в боях, но на него огромное впечатление оказали исторические события, стремительно разворачивающиеся вокруг.

В 1919 г., среди всеобщего отчаяния, Хайдеггер утратил веру в Бога. Он был достаточно осторожен и ничего не сказал Гуссерлю, но с этого момента его философия стала расходиться с той феноменологией, какой видел ее основатель. Заменой чистому сознанию Гуссерля станет бытие, но подход не изменится. Бытие, которое стремился осмыслить Хайдеггер, лишено действий и объектов, подобно «выведенному за скобки» сознанию Гуссерля. Именно в нем кроются основы науки, психологии и даже логики – основы всех частных наук.

Хайдеггер обратился к истории философии, в которой обнаружил явную «историю бытия». Но это была не история прогресса, наоборот, непреднамеренное описание утраты. Самые первые философы Древней Греции так называемого досократовского периода размышляли над вопросами бытия. Их мысль глубоко проникала в фундаментальное понятие, на котором зиждется все остальное. Но приход Сократа, Платона и Аристотеля стал настоящей катастрофой для этого глубокого, всеобъемлющего философского мышления. Под их влиянием философская мысль распалась на отдельные направления. Попытка осмыслить понятие «бытия» уступила место простым и не связанным друг с другом попыткам анализа естественных наук, политических теорий, этики, поэзии и так далее. Тем временем основа философии была низведена до божественной метафизики.

В 1923 г. Хайдеггер был назначен на должность экстраординарного профессора маленького старинного университета в городе Марбурге, в Центральной Германии. Известность его росла, но назначение на профессорскую должность в относительно молодом возрасте – тридцать четыре

года – было в значительной степени заслугой Гуссерля. Хайдеггер быстро превратился в культовую фигуру. Феноменология стала модным философским увлечением среди студентов, а его лекции вызывали живой интерес.

В 1924 г. Хайдеггер обратил внимание на симпатичную еврейскую девушку, посещавшую его лекции. В последующих дискуссиях выяснилось, что девушка, несмотря на юный возраст, оказалась самой одаренной из всех студентов. Это была Ханна Арендт, приехавшая из Восточной Пруссии, из города Кёнигсберга. Прошло несколько недель, и жаркие философские споры стали отклоняться в не менее туманные и запутанные сферы чувств. Они стали любовниками – восемнадцатилетняя Ханна и тридцатипятилетний Хайдеггер. Из его писем совершенно очевидно, что он впервые в жизни переживал настоящую страсть – во всех ее физических, духовных и эмоциональных проявлениях.

Ханна помогла Хайдеггеру открыть доступ в новый, незнакомый мир. Вне всякого сомнения, этот опыт повлиял на его понимание «бытия», хотя напрямую еще и не вошел в его философию. Можно предположить, что влияние это было косвенным. Но чувства не обманывали Хайдеггера. Хрупкая скорлупа разбилась, открыв тягучий желток неудовлетворенной любви. Ханна стала для него всем, но самое главное – она стала его музой. Хайдеггер работал над главным трудом своей жизни, в котором формулировал свои оригинальные идеи во всей их полноте, и его вдохновляли дискуссии с Ханной по самым главным вопросам философии.

Ханну же переполняла любовь, и она восхищалась своим харизматичным учителем, который был почти вдвое старше ее. (Тот факт, что я называю их «Ханной» и «Хайдеггером», вовсе не шовинизм, а всего лишь указание на разницу в возрасте.) Их отношения не могли быть обычной любовной связью. Любовная интрижка со студенткой могла стоить Хайдеггеру не только работы, но и карьеры – в тот единственный период жизни, когда у него была возможность сделать карьеру, Хайдеггеру и Ханне приходилось скрывать свои отношения. Но после года невероятного напряжения Хайдеггер сдался. Инстинкт самосохранения победил чувства. Хайдеггер предложил девушке перевестись в Гейдельберг для продолжения учебы. Ханна – с болью в сердце – подчинилась.

В 1927 г. Хайдеггер опубликовал работу, в которой изложил основы своей новой философии – «Бытие и время». Смысл его рассуждений почти неуловим, и если потерять нить в самом начале, то все насыщенные аргументацией 480 страниц текста могут остаться полностью непонятными читателю. Кооптируя слова для собственных целей, обращаясь к древним терминам вне контекста, соединяя слова, Хайдеггер сумел создать собственный, неповторимый язык. Этот язык затрудняет понимание. Вот лишь один небольшой пример: «Оно есть экзистенциальный основообраз равноисходной разомкнутости мира, соприсутствия и экзистенции, поскольку последняя сама по сути есть бытие в мире».

В 1928 г. Гуссерль оставил должность профессора философии во Фрайбурге. По его настоятельной рекомендации ему на смену пришел Хайдеггер. В тридцать девять лет он стал штатным профессором. Свою лекцию при вступлении в должность Хайдеггер назвал «Что такое метафизика?». В ней его экзистенциальная философия получила дальнейшее развитие. Молодой харизматичный профессор в домотканой крестьянской одежде вновь обрушился с критикой на современное индустриальное общество. В Германии в 1928 г. этот призыв «возвращения к истокам» упал на благодатную почву. Страна восстанавливалась после многолетней инфляции, но многие представители среднего класса лишились своих сбережений, а вместе с ними и положения в обществе.

В начале 1930 х мир погрузился в Великую депрессию. Хрупкая экономика Германии, только начав восстанавливаться, снова рухнула. Озлобленная страна бросилась в крайности. В 1933 г. к власти пришли нацисты во главе с Гитлером. Одним из первых действий нацистского правительства стала очистка государственной гражданской службы от евреев. В Германии университеты были государственными. Это стало настоящей катастрофой. Достаточно одного примера. Факультет математики в Гёттингенском университете, считавшийся одним из лучших в мире, возглавлял престарелый Давид Гильберт, величайший математик того времени. Когда посетивший университет нацистский министр спросил его, что он думает о «германизованном» математическом факультете, Гильберт просто ответил: «Математического факультета больше не

существует». Если нацисты грубо вмешались даже в науку, то в остальных сферах следовало ожидать гораздо худшего. По стране прокатилась волна самоубийств, а тех евреев, которым удалось бежать из страны, бросив все свое имущество, считали счастливыми.

В мае 1933 г. Хайдеггер принял предложение занять должность ректора Фрайбургского университета, что предполагало членство в нацистской партии. Но ступить на опасную тропу его заставило не только непомерное честолюбие. Он вскоре прояснил свои взгляды в присущей ему неподражаемой манере: «Воля к существованию немецкого университета есть воля к науке как воля к историческому духовному заданию немецкого народа как народа, который знает сам себя в своем государстве». Эта фраза может вообще ничего не означать, однако подобная «воля к науке» имела серьезные последствия. Величайшие достижения Германии в области теории относительности и ядерной физики – работы Эйнштейна, Гейзенберга (который не был евреем) и других немецких лауреатов Нобелевской премии – теперь были отвергнуты как «еврейская наука».

Ханна Арендт написала Хайдеггеру, не в силах поверить тому, что она слышала об уважаемом учителе, выдающемся философе. В своем ответе Хайдеггер отвергал обвинения в антисемитизме. Тем временем он прервал всякие отношения с Гуссерлем, евреем, который впоследствии был лишен звания заслуженного профессора. (Кроме того, Хайдеггер потихоньку убрал посвящение Гуссерлю из четвертого издания книги «Бытие и время».)

Когда Хайдеггер вступил в нацистскую партию, это был не просто карьеризм. Как позже оправдывался философ, ему казалось, что в новых политических условиях произойдет духовное обновление немецкого народа. Хайдеггеру удавалось сочетать отвращение к массовой культуре с присутствием на нацистских парадах в Нюрнберге. Похоже, для него существовало два вида массовой культуры: настоящая немецкая и «фальшивая» современная американская культура. Другие свидетельства этого самообмана можно увидеть в отношениях Хайдеггера с Ханной Арендт. Какие бы слова или поступки ему ни приписывали, утверждал он, это не влияет на его личные отношения с евреями – с самой Ханной и Гуссерлем.

Не проработав и года на должности ректора, он подал в отставку. В последующие несколько месяцев в нацистских журналах появилось много оскорбительных высказываний в его адрес, однако опасность лишиться должности профессора философии ему не грозила. Он оставался членом нацистской партии. С приближением неизбежной войны Хайдеггер постепенно замыкался в себе. По мере того, как опускалась военная тьма, «философия... как структура культуры» становилась абсолютно избыточной, сохраняясь лишь как «бытие, обращенное к самому себе». 1945 г. оставил от Германии и подобных идей одни руины. Хайдеггер лишился должности в университете, а его дом вместе с драгоценной библиотекой реквизировали оккупационные французские войска.

В середине 60-х к Хайдеггеру приехала Ханна Арендт. К тому времени она стала известным в Америке специалистом в области политической философии, и ее идеи отражали глубокое влияние Хайдеггера. До их первой послевоенной встречи Ханна относилась к нему настороженно и даже подозрительно из-за позиции и поведения в эпоху нацизма. Но личная встреча все изменила: прежняя духовная близость, похоже, до конца не угасла. У нее был счастливый брак, и Хайдеггер рассказал Эльфриде о своих давних отношениях с Ханной. Эльфрида, так и оставшаяся антисемиткой, с трудом терпела присутствие Ханны, когда та впоследствии приезжала в Европу.

Ханна Арендт делала все возможное для распространения работ Хайдеггера в Америке, старалась, чтобы его идеи поняла и оценила более широкая аудитория. О Хайдеггере постепенно узнавали, и его влияние усиливалось. Его уже давно высоко ценили в Европе – особенно французский экзистенциалист Жан Поль Сартр. Теперь, после публикации в 1962 г. английского перевода книги «Бытие и время», он приобрел мировую известность.

Год спустя Ханна Арендт писала о суде в Иерусалиме над нацистским преступником Адольфом Эйхманом. В своем репортаже она придумала выражение «банальность зла», чтобы описать Эйхмана, чье бюрократическое скудоумие стало причиной таких неопишуемых ужасов. Сама Арендт отказывалась это признавать, однако она уже встречала человека, поведение которого попадало в эту категорию. Ханна сохранила глубокое восхищение Хайдеггером, иногда граничащее с самообманом. Хайдеггер же так до конца и не примирился с растущей славой

Арендт. В 1975 г. умерла Ханна Арендт. В следующем году умер Хайдеггер – 26 мая, в возрасте восьмидесяти шести лет. Как он и хотел, его похоронили в деревне Месскирхе, в Шварцвальде, где он родился.

Ключевые даты в истории философии

VI в. до н. э. Начало западной философии: Фалес Милетский.

Конец VI в. до н. э. Смерть Пифагора.

399 г. до н. э. Сократ приговорен к смерти в Афинах.

Около 387 г. до н. э. Платон основывает в Афинах Академию – первый университет.

335 г. до н. э. Аристотель основывает в Афинах Ликей – школу, соперничающую с Академией.

324 г. Император Константин переносит столицу Римской империи в Византий.

400 г. Блаженный Августин пишет свою «Исповедь».

410 г. Разграбление Рима вестготами знаменует начало «темных веков».

529 г. Закрытие императором Юстинианом Академии в Афинах отмечает конец античной философии.

Середина XIII в. Фома Аквинский пишет комментарии к Аристотелю. Эпоха схоластики.

1453 г. Взятие Константинополя турками. Конец Византийской империи.

1492 г. Колумб достигает Америки. Возрождение в Италии и пробуждение интереса к изучению древних греков.

1543 г. Коперник публикует книгу «О вращениях небесных сфер», математически доказав, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. Инквизиция вынуждает Галилея отказаться от гелиоцентрической теории.

1641 г. Декарт публикует свои «Размышления о первой философии». Начало современной философии.

1677 г. Смерть Спинозы делает возможной публикацию его «Этики».

1687 г. Ньютон публикует «Начала», содержащие концепцию гравитации.

1689 г. Локк публикует «Опыт о человеческом разумении». Начало эмпиризма.

1710 г. Беркли публикует «Трактат о принципах человеческого знания», подняв эмпиризм до новых высот.

1716 г. Смерть Лейбница.

1739–1740 гг. Юм публикует «Трактат о человеческой природе», достигнув логических пределов эмпиризма.

1781 г. Кант, пробудившийся от своего «догматического сна» благодаря Юму, публикует «Критику чистого разума». Начинается великая эпоха немецкой метафизики.

1807 г. Гегель публикует «Феноменологию духа». Высшая точка немецкой метафизики.

1819 г. Шопенгауэр публикует «Мир как воля и представление», введя в немецкую метафизику индийскую философию.

1889 г. Ницше, заявив, что «Бог умер», сходит с ума в Турине.

1921 г. Витгенштейн публикует «Логико-философский трактат», заявляя об «окончательном решении» философских проблем.

1920-е гг. Венский кружок выдвигает логический позитивизм.

1927 г. Хайдеггер публикует книгу «Бытие и время», знаменующую разрыв между аналитической и континентальной философией.

1943 г. Развивая идеи Хайдеггера, Сартр публикует работу «Бытие и ничто», положившую начало экзистенциализму.

1953 г. Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Бурное развитие лингвистики.